

него? У насъ въ Кіевѣ „Временная комиссія для разбора древнихъ актовъ“ выдаетъ по 33 руб. за листъ, по тогда намъ пришлось-бы испрашивать у Св. Синода большую сумму для издателей, чѣмъ на изданіе.

Но если угодно будетъ Совѣту, то у насъ есть возможность рѣшить этотъ вопросъ. У насъ есть пять Макарьевскихъ премій, въ 250 руб. каждая, выдаваемыхъ теперь наставникамъ за лучшія ихъ сочиненія, какъ помѣщенные въ ученое академическое журналѣ, такъ и отдѣльно изданныя Академіею. Если-бы Совѣтъ постановилъ выдавать за томъ актовъ издателю его двѣ изъ указанныхъ премій, то, я думаю, вопросъ о вознагражденіи такимъ образомъ вполне разрѣшился бы. Даже, если бы въ одинъ годъ вышло два тома актовъ, то и тогда издатели ихъ могли-бы получить это свое вознагражденіе. Впрочемъ, для обсужденія этого вопроса слѣдовало-бы избрать комиссію“.

Постановили: Совершенно раздѣляя взглядъ Преосвященнаго Ректора на дѣло изданія „Актовъ и документовъ по исторіи Киевской Академіи“ и соглашаясь съ изложенными въ его предложеніи основаніями, просить Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, Митрополита Киевскаго и Галицкаго, ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ отпускѣ потребной на изданіе „Актовъ и документовъ“ суммы, въ размѣрѣ не болѣе 2000 руб. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы сумма эта отпускалась, до окончанія всего изданія, по мѣрѣ выхода въ свѣтъ отдѣльныхъ томовъ „Актовъ“, по представленіи Совѣтомъ Академіи въ Хозяйственное Управленіе Святѣйшаго Синода надлежащихъ отчетовъ. По вопросу-же о вознагражденіи составителей „Актовъ и документовъ“ и объ источникахъ его составить комиссію изъ профессоровъ П. Линицкаго, В. Малинина, А. Дмитріевскаго, А. Булгакова и Д. Богдашевскаго, поручивъ ей свои соображенія представить къ одному изъ слѣдующихъ собраній Совѣта Академіи.

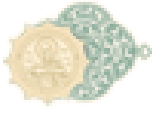
Журналы.

На семь журналъ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Киевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „25 декабря 1904 года. Согласенъ“.

1905 года 10 февраля.

Въ собраніи Совѣта Киевской Духовной Академіи, подъ предѣлательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессора, кромѣ заслуженнаго ординарнаго профессора А. Розова, не бывшаго по причинѣ болѣзни.

Слушали: 1) Славный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Киевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 14 декабря 1904 года указъ Святѣйшаго Синода отъ 11 декабря того-же года за № 12572: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 25 октября сего года за № 1866, по ходатайству Совѣта Киевской Духовной Академіи объ утвержденіи экстраординарнаго профессора сей Академіи Дмитрія Богдашевского въ степени доктора богословія за представленное имъ на соисканіе этой степени сочиненіе подъ заглавіемъ: „Посланіе Св. Апостола Павла къ Ефесянамъ. Исагогико-экзегетическое изслѣдованіе“, и 2) отзывъ Преосвященнаго Финляндскаго, отъ 22 минушаго ноября за № 1048, о названномъ сочиненіи. Приказали: экстраординарнаго профессора Киевской Духовной Академіи, магистра богословія, Дмитрія Богдашевского, удостоеннаго Совѣтомъ названной Академіи за вышеозначенное сочиненіе степени доктора богословія, утвердить, согласно представленію Вашего Преосвященства и отзыву Преосвященнаго Финляндскаго, въ таковой степени; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ“.

Постановили: Профессору Д. Богдашевскому выдать докторскій дипломъ и объ утвержденіи его въ степени доктора богословія записать въ формулярный о службѣ его списокъ.

II. Увѣдомленія Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода:

а) отъ 15 декабря 1904 года за № 9727: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 9 декабря 1904 г. докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Киевской Духовной Академіи Эммануиль Пирромаллисъ опредѣленъ на должность учителя греческаго языка въ Бѣлозерское духовное училище“.

б) отъ 15 того-же декабря за № 9733: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 9 декабря 1904 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Киевской Духовной Академіи Іеронимъ Арсенишвили опредѣленъ на должность учителя географіи и ариѳметики въ Мстиславское духовное училище“.

в) отъ 23 того-же декабря за № 9968: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 16 декабря 1904 г. докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Киевской Духовной Академіи Евгеній Сташевскій опредѣленъ на должность учителя русскаго языка въ старшіе классы Николаевского духовнаго училища“.

г) отъ 30 того-же декабря за № 10069: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 23 декабря 1904 г. докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Киевской Духовной Академіи Василій Хартія опредѣленъ на должность учителя греческаго языка въ параллельные классы Кишиневскаго духовнаго училища“.

д) отъ 18 января 1905 года за № 367: „По утвержденному Г. Товарищемъ Синодальнаго Оберъ-Прокурора 8 января 1905 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Киевской Духовной Академіи Константинъ Яновскій

опредѣленъ на должность помощника инспектора въ Литовскую духовную семинарію“.

е) отъ 27 января 1905 года за № 629: „По утвержденному Г. Товарищемъ Оберъ-Прокурора 20 января 1905 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Киевской Духовной Академіи Алексѣй Діанинъ опредѣленъ на должность помощника инспектора въ Калужскую духовную семинарію“.

„Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода долгомъ поставляетъ сообщить о семъ Совѣту Академіи для свѣдѣнія“.

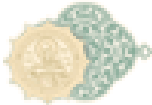
Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

III. Прошенія:

а) заслуженнаго ординарнаго профессора К. Попова, отъ 4 января сего года: „Покорѣйше прошу Совѣтъ Академіи принять къ разсмотрѣнію мою книгу „Блаженный Діадохъ и его творенія“, представляемую мною на соисканіе I-й Макарьевской юбилейной преміи“.

Справка: Требуемое § 9 Положенія о 1 й юбилейной Макарьевской преміи число экземпляровъ сочиненія профессора К. Попова роздано имъ уже всѣмъ членамъ Совѣта и другимъ преподавателямъ Академіи.

б) ординарнаго профессора А. Дмитріевскаго, отъ 7 января сего года: „Честь имѣю покорѣйше просить Совѣтъ Академіи принять книгу мою: „Ставленникъ. Руководство для священно-церковно-служителей и избранныхъ въ епископа, при ихъ хиротоніяхъ, посвященіяхъ и награжденіяхъ знаками духовныхъ отличій, съ подробнымъ объясненіемъ всѣхъ обрядовъ и молитвословій“ (Кіевъ, 1904 г.) на соисканіе преміи покойнаго митрополита Московскаго Макарія. Узаконенное число экземпляровъ книги имѣетъ быть представлено“.

Постановили: Представленные сочинения передать на рассмотрение — сочинение профессора К. Попова — заслуженному экстраординарному профессору М. Ястребову, сочинение профессора А. Дмитриевского — экстраординарному профессору Н. Макавейскому.

IV. Письма:

а) Преосвященного Николая, епископа Таврического и Симферопольского, отъ 4 сего февраля за № 94: „Долгъ имѣю уведомить Совѣтъ Академіи, что дипломъ на званіе почетнаго члена Кіевской Духовной Академіи мною полученъ. Отъ всего сердца благодарю Академію за честь, сдѣланную мнѣ симъ избраніемъ“.

б) Бывшаго экстраординарнаго профессора Академіи О. С. Орнатскаго, отъ 14 минуваго января: „Прошу Совѣтъ принять отъ меня глубочайшую благодарность за удостоеніе меня званія почетнаго члена Академіи. Эту высокую честь я цѣню тѣмъ больше, что Кіевская Академія вдвойнѣ родная мнѣ, и по воспитанію, и по служенію моему въ ней, и, какъ родную, я всегда любилъ и уважалъ ее со дней своего студенчества и продолжаю любить и теперь, по выходѣ въ отставку“.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

V. Отзывъ о печатномъ сочиненіи преподавателя Калужской духовной семинаріи, кандидата богословія И. Четверикова, подъ заглавіемъ: „О Богѣ, какъ личномъ Существѣ“, представленномъ на степень магистра богословія.

а) И. д. доцента П. Кудрявцева:

„Сочиненіе г. Четверикова, помимо введенія, заключаетъ въ себѣ пять главъ.

Во введеніи авторъ выясняетъ недостаточность существующихъ доказательствъ личности Божества, объясняющуюся, по

автору, не только тѣмъ, что этими доказательствами предполагается цѣлый рядъ гносеологическихъ и онтологическихъ предпосылокъ (онѣ указаны въ трудѣ профессора Н. В. Тихомирова „Гносеологическія и метафизическія предпосылки бытія Божія“, на котораго въ данномъ случаѣ ссылается авторъ), въ свою очередь требующихъ обоснованія, но и тѣмъ (и это — главнымъ образомъ), что въ существующихъ доказательствахъ личности Божества берутся въ качествѣ исходныхъ пунктовъ то понятіе о бытіи вообще, независимо отъ того или другого распорядка составляющихъ его элементовъ, то неопредѣленное понятіе цѣлесообразности, оторванной отъ самаго бытія, то — наконецъ — нравственныя потребности человѣка, разсматриваемыя опять-таки изолированно, тогда какъ, по автору, „исходнымъ пунктомъ въ обоснованіи теизма можетъ быть только понятіе цѣлостнаго бытія, точно опредѣленнаго строго философскимъ путемъ“: разъ у насъ есть такое понятіе, вопросъ о личности Божества рѣшается уясненіемъ отношенія между понятіемъ цѣлостнаго бытія и понятіемъ Абсолютнаго Существа. Такой путь рѣшенія вопроса, въ противоположность „методу доказательствъ“, приложимому только (?) къ познанію математическому, авторъ и считаетъ единственно надежнымъ при изслѣдованіи проблемъ философскаго характера. Однако, прежде чѣмъ выяснить понятіе цѣлостнаго бытія и Абсолютнаго Существа съ цѣлію опредѣлить взаимоотношеніе между ними, надо, по автору, установить правильное понятіе о мышленіи, какъ познающей дѣятельности, потому что недостаточность существующихъ доказательствъ личности Божества зависитъ въ концѣ концовъ отъ односторонности или даже не-правильности ихъ гносеологическихъ предпосылокъ.

„Итакъ, — заключаетъ авторъ, — для обоснованія теистическаго ученія о личномъ Богѣ необходимо установить основныя начала бытія и познанія: дать правильное понятіе мышленія, точно опредѣлить понятіе цѣлостнаго бытія и въ частности — цѣлесообразности, правильно указать отношеніе Бога

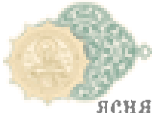

къ этому бытію“ (откуда же спросимъ—возьмется самое понятіе о Богѣ?), „опредѣлить его, какъ трансцендентно имманентную, творческо-промыслительную первопричину міра, установить правильное понятіе личности“ (послѣ того, какъ уже дано опредѣленіе Бога въ качествѣ трансцендентно имманентной, творческо-промыслительной первопричины міра?) „и вмѣстѣ съ этимъ подвергнуть критикѣ всѣ возраженія“ (глѣ ручательство того, что будутъ подвергнуты критикѣ *всѣ* безъ исключенія возраженія?) „противъ ученія о реальномъ бытіи Абсолютной Личности“ (стр. 12). Такъ намѣчаются основные пункты изслѣдованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, казалось бы, и его планъ, но авторъ, вслѣдъ за приведенными словами, дѣлаетъ такое замѣчаніе: „установка основныхъ началъ бытія и познанія возможна только“ (sic!) „черезъ критику различныхъ (?) философскихъ системъ“, и этимъ замѣчаніемъ осложняетъ уясненіе плана изслѣдованія.

Какъ видно изъ только-что приведенныхъ словъ, авторъ придаетъ громадное („*только* черезъ критику“...) значеніе въ изслѣдованіи философскихъ проблемъ критическому методу, съ особенною силой убѣжденія и послѣдовательности примѣненному въ области философіи Кантомъ, но понимаетъ его не въ смыслѣ Канта, потому что Кантъ считаетъ главнымъ объектомъ философской критики не „различныя философскія системы“, которыя, при всемъ своемъ разнообразіи, могутъ оказаться не исчерпывающими всѣхъ сторонъ изслѣдуемаго предмета, а самыя познавательныя способности, хотя не уклонялся отъ попутной критики и философскихъ системъ, будетъ ли то идеализмъ Беркли или предустановленная гармонія Лейбница, — тогда какъ наштѣ авторъ объектомъ критики считаетъ „различныя философскія системы“. Такая —вольная или невольная—измѣна Канту отразилась на характерѣ всего изслѣдованія и прежде всего на его планѣ, побудивъ автора распредѣлить содержаніе своей критико-аналитической работы въ трехъ главахъ, соответственно тремъ главнымъ направленіямъ въ гносео-

логія: эмпиризму, раціонализму и критицизму. Въ первой главѣ подвергаются критическому анализу воззрѣнія Канта, Милля, Тэна и Спенсера, во второй—Спинозы и Гегеля, а также панентеистовъ, пытавшихся смягчить крайности гегелевскаго панлогизма, въ третей—главнымъ образомъ Канта. Повидимому, главной задачей при критическомъ анализѣ указанныхъ философскихъ ученій авторъ считаетъ установку гносеологическихъ предпосылокъ, необходимыхъ для обоснованія правильного ученія о Богѣ, какъ Абсолютной Личности. Дѣйствительно, анализируя излагаемыя воззрѣнія, авторъ съ особенною настойчивостію проводитъ ту мысль, что опытъ и умозрѣніе, взятые въ отдѣльности, не даютъ еще знанія, равно какъ анализъ и синтезъ, обособленные другъ отъ друга, не могутъ служить надежнымъ путемъ для построенія цѣлостной, логически-стройной философской системы, но, утверждая эти положенія, авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду своей спеціальной задачи—обосновать ученіе о Богѣ, какъ личномъ Существоѣ, разъясняетъ, какъ понимается личность вообще и въ приложеніи къ Абсолютному Существо въ частности главнѣйшими представителями эмпиризма, раціонализма и критицизма, въ зависимости отъ ихъ гносеологическихъ предпосылокъ, и хотя авторъ не упускаетъ случая для того, чтобы установить связь между гносеологическими предпосылками и теологическими выводами изучаемыхъ имъ мыслителей, тѣмъ не менѣе содержаніе первыхъ трехъ главъ, критико-аналитическихъ, представляется читателю настолько сложнымъ и разнообразнымъ, что порою трудно бываетъ слѣдить за ходомъ мысли нашего автора, тѣмъ болѣе, что тотъ ходъ мыслей, который авторъ было намѣтилъ для своего изслѣдованія („дать правильное понятіе о *мысленіи*“ и т. д.—см. выше), вмѣстѣ съ признаніемъ безусловной необходимости подвергнуть критикѣ „различныя философскія системы“ замѣняется другимъ: теперь уже оказывается необходимымъ „*прежде всего*“ рѣшить вопросъ, можно ли совершенно отрицать всякую цѣлесообразность или, по крайней мѣрѣ, объ-

яснять ея происхожденіе изъ простаго случая“, а отъ этого вопроса надо перейти къ другому: „можно ли опредѣлять абсолютность и личность съ чисто количественной только точки зрѣнія?“ (стр. 12). Почему „прежде всего“ нужно трактовать не о значеніи мышленія въ построеніи философской системы, а о цѣлесообразности, и въ какой связи стоитъ вопросъ о цѣлесообразности съ вопросомъ о приложимости количественной точки зрѣнія къ Абсолютному—авторъ не выясняетъ, представляя это дѣло читателю. Последнему, впрочемъ, не трудно разъяснить недоумѣніе: авторъ ставитъ на первомъ мѣстѣ трактацию о цѣлесообразности и присоединяетъ къ этой трактации рѣшеніе вопроса о томъ, можно ли опредѣлять абсолютность и личность съ количественной точки зрѣнія, по той простой причинѣ, что съ этими именно пунктами онъ встрѣтился при изученіи эмпиризма, которому по принятому обычаю отводитъ онъ первое мѣсто при обзорѣ главнѣйшихъ гносеологическихъ направленій. Итакъ, чѣмъ же опредѣляется планъ разсматриваемаго нами изслѣдованія—составомъ изслѣдуемой проблемы или содержаніемъ „различныхъ философскихъ системъ“, подвергаемыхъ критическому анализу въ первыхъ трехъ главахъ?

Независимо отъ нѣкоторой неясности того принципа, которымъ руководился авторъ при распредѣленіи матеріала своего изслѣдованія, мы должны признать содержаніе первыхъ трехъ главъ, занимающихъ большую часть сочиненія (274 страницы изъ 343—хъ), чрезвычайно богатымъ и очень цѣннымъ въ научномъ отношеніи: обнаруживъ обстоятельное знакомство съ воззрѣніями такихъ трудныхъ для изученія мыслителей, какъ Спенсеръ, Гегель, Кантъ и др., и проявивъ незаурядную тонкость, даже—позволю себѣ такъ выразиться—вѣдчивость критическаго анализа, авторъ въ этихъ главахъ подробно и обстоятельно раскрываетъ правильное понятіе о личности, подъ которою нельзя разумѣть ни измѣненную сумму психическихъ состояній (эмпирики), ни простое соотношеніе субъекта къ са-

тому себѣ (Гегель), ни формально объединяющій принципъ по отношенію къ множественности и разнообразію душевныхъ состояній (Кантъ): личность—это реальное разумно—свободное начало духовной жизнедѣятельности, необходимо обладающее всею полнотою истины и всемогущею святою волею. Понимаемая въ этомъ смыслѣ, личность въ полной мѣрѣ приложима только къ Абсолютному—таково основное положеніе автора, раскрытое имъ съ полною обстоятельностью. Одинъ лишь пунктъ представляется намъ неяснымъ: это—въ какомъ смыслѣ можно и должно разсматривать чувство, какъ ингредиентъ въ понятіи Абсолютной Личности. Въ этихъ же главахъ подробно выясняются понятія цѣлесообразности и свободы.

Вообще, первыя три главы, при аналитико-критическомъ методѣ изложенія, отличаются такимъ богатствомъ и разнообразіемъ содержанія, что синтезъ добытыхъ анализомъ положеній представляется дѣломъ первостепенной важности. Хорошо сознавая это, авторъ такому именно синтезу посвящаетъ четвертую главу своего изслѣдованія. Къ сожалѣнію, въ синтезѣ авторъ слабѣе, чѣмъ въ анализѣ. Не говоря уже о томъ, что четвертая глава, которая, по замыслу автора, должна объединить результаты предшествовавшаго анализа, далеко не даетъ представленія о богатствѣ и цѣнности содержанія, заключающагося въ первыхъ трехъ главахъ, она сама по себѣ имѣетъ не маловажные недостатки: мы встрѣчаемся здѣсь съ совсѣмъ невыясненными или недостаточно выясненными понятіями и даже съ логическими противорѣчіями. Такъ, еще въ заключительномъ пунктѣ третьей главы, который является какъ бы введеніемъ къ содержанію четвертой главы, мы встрѣчаемся съ утвержденіемъ, что при уясненіи понятія о Богѣ, какъ личномъ Существѣ, слѣдуетъ руководиться методомъ чисто философскимъ, или аналитико-синтетическимъ (эта мысль не разъ повторяется на протяженіи всего изслѣдованія), но въ чемъ состоятъ отличительныя особенности этого метода—для читателя такъ и остается неяснымъ. Въ самомъ дѣлѣ, много ли можно

вынести, въ смыслѣ уясненія значенія *анализа* въ философскомъ изслѣдованіи, изъ того утвержденія автора, что „путемъ анализа мышленіе даетъ основанія для“ синтетическихъ „построеній“, или, какъ говорится нѣсколькими строками ниже, что „анализъ только обосновываетъ синтетическія построенія мышленія“ (стр. 283)? Еще туманиѣе разсужденія автора о характерѣ и значеніи философскаго синтеза. Философскій синтезъ, по мнѣнію автора, существенно отличается отъ того синтеза, который примѣняется въ наукахъ опытныхъ и математическихъ. „Въ области философскихъ изслѣдованій, — разсуждаетъ авторъ, — мышленіе имѣетъ отвлеченный характеръ; оно не ограничивается ни опытомъ, ни созерцаніемъ“ (можно подумать, что философія не нуждается въ опытѣ, но это противорѣчитъ всему содержанію третьей главы, разъясняющей ту мысль, что знаніе есть результатъ взаимодействія опыта и умозрѣнія) „и въ этомъ смыслѣ какъ бы переступаетъ всѣ границы конечнаго. Правда, и для дѣятельности отвлеченнаго мышленія должны быть основанія, и такими основаніями являются формы нашего мышленія, которыя и составляютъ необходимыя границы его дѣятельности. Но эти границы далеко не узки; субъективныя начала, или формы познанія, имѣютъ неограниченное приложеніе ко всякому данному отвлѣченному содержанію; отсюда(?) на основѣ этихъ формъ возможно построеніе истинно-философскаго синтеза, имѣющаго универсальное, а не частное значеніе“ (стр. 284). Итакъ, чѣмъ же „истинно-философскій синтезъ“ отличается отъ математическаго или естественно-научнаго? Тѣмъ, что онъ производится „на основѣ“ субъективныхъ началъ, или формъ познанія, тогда какъ математическій синтезъ опирается на математическихъ построеніяхъ, а естественно-научный — на опытѣ? но если такъ, то къ чему же заявленіе автора о томъ, что „субъективныя начала, или формы познанія имѣютъ неограниченное приложеніе ко всякому данному отвлѣченному содержанію“? если же „данное отвлѣченное содержаніе“ не безразлично для философскаго синтеза, то чѣмъ же въ концѣ концовъ онъ

отличается отъ синтеза, примѣняемаго въ естествознаніи? Понятіе объ аналитико-синтетическомъ методѣ, какъ методѣ истинно-фило-софскомъ, имѣеть въ изслѣдованіи автора настолько существенное значеніе, что его нельзя было оставить безъ обстоятельнаго выясненія, какъ это мы видимъ теперь. Тѣмъ болѣе нужно было обстоятельно выяснить—въ частности—значеніе апріорныхъ *формъ* познанія для философскаго синтеза, что на страницѣ 290-ой авторъ говоритъ уже объ апріорныхъ *идеяхъ*, причѣмъ взаимоотношеніе между двумя терминами—идея и форма—остается неяснымъ. Въ четвертой главѣ выступаетъ извѣстная тріада—истины, добра и красоты, но понятіе красоты нигдѣ въ изслѣдованіи автора не выясняется: зачѣмъ же пользоваться невыясненнымъ понятіемъ, смыслъ котораго далеко нельзя признать установленнымъ? Въ той же главѣ авторъ привлекаетъ къ разсмотрѣнію откровенныя данныя относительно внутренней жизни Божества, но они оказываются не вполне согласованными съ выводами самого автора. Такъ, на страницѣ 299-ой авторъ утверждаетъ, что „самопознаніе и свобода, внутренняя жизнь и творческая дѣятельность предполагае(ю)тъ *однимъ* центральнымъ пунктъ въ Божествѣ, или *Я*, какъ носителя и источникъ сознательной и свободной жизни (,) или—точнѣе—предполагаетъ въ немъ личность, какъ Его основное и существенное свойство“. Какъ согласить съ этимъ сказанное на предыдущей страницѣ: „Божество *необходимо* должно быть признано не только абсолютно единымъ, но и обладающимъ множественностью личностей“? На той же страницѣ говорится, что „внутренняя жизнь Божества, дѣлающая возможнымъ Его личное бытіе“, заключается „въ отношеніяхъ между Лицами Пресв. Троицы“, а на слѣд. страницѣ читаемъ, что „внутренняя жизнь Божества, которую не слѣдуетъ смѣшивать съ его внѣшнею творческою дѣятельностью“, состоитъ „въ порожденіи своихъ свойствъ изъ самого себя, какъ объединяющаго центрального пункта“. Какъ согласить эти положенія? Требуется разъясненія слѣдующая мысль автора (на стр. 298): „абсолютная идея, какъ конечный пунктъ нашей мыслительной дѣятель-

ности, необходимо должна объединять въ себѣ какъ абсолютное единство (результатъ синтеза), такъ и абсолютное различіе (результатъ анализа) — какимъ образомъ мысль о безусловномъ единствѣ абсолютной идеи можетъ быть *результатомъ* синтеза, если эта идея служить *основой* синтеза; дальше, если абсолютная идея, какъ безусловное единство, является результатомъ синтеза, то что же служить объектомъ анализа, который, по автору, долженъ дать мысль объ абсолютномъ различіи въ Абсолютномъ? Не менѣе нуждается въ разъясненіи утвержденіе, что „абсолютное различіе есть различіе личностей“, высказываемое авторомъ догматически (на той же страницѣ). Поскольку, впрочемъ, авторъ въ четвертой главѣ не переступаетъ за предѣлы тѣхъ положеній, которыя раскрыты въ первыхъ трехъ главахъ, онъ свободенъ отъ упрековъ въ необоснованности и неясности.

Въ пятой главѣ авторъ оправдываетъ основные результаты своего изслѣдованія изложеніемъ церковнаго ученія о Богѣ, какъ личномъ Существѣ, поскольку оно нашло свое выраженіе въ Св. Писаніи и въ твореніяхъ церковныхъ писателей. Больше всего мѣста отводится ученію церковныхъ писателей II и III в. в.

Обобщая все сказанное доселѣ, мы должны повторить, что если синтезъ автора и не вполне удовлетворяетъ читателя, то аналитико-критическая часть работы выполнена г-номъ Четвериковымъ съ полнымъ знаніемъ дѣла и рѣдкою обстоятельностью; данное имъ выясненіе понятій цѣлесообразности, свободы и личности представляетъ цѣнный вкладъ въ науку. Сочиненіе свидѣтельствуетъ о незаурядной начитанности автора въ области богословско-философской литературы и о несомнѣнной способности его къ философскому анализу системъ и понятій. Та убѣжденность, съ какою авторъ отстаиваетъ теистическое ученіе о Богѣ, ставитъ его высоко, какъ православнаго богослова. Все это даетъ автору, по моему мнѣнію, полное право на полученіе ученой степени магистра богословія“.

б) Заслуженного ординарнаго профессора П. Линицкаго:

„Сочиненіе преподавателя семинаріи И. П. Четверикова очень обширное и заключаетъ въ себѣ такое изобиліе свѣдѣній изъ области философіи, что авторъ безъ сомнѣнія располагалъ матеріаломъ, болѣе чѣмъ достаточнымъ, для возможно полнаго изслѣдованія своего предмета. Однако такія стороны этого предмета недостаточно выдвинуты и освѣщены, которыя сами собою, помимо нарочитаго изученія его, представляются вниманію. Авторъ не разъясняетъ должнымъ образомъ, какъ смотрѣть на то, что понятіе личности многими признается недопустимымъ въ отношеніи къ существу неограниченному и безусловному, не задается вопросомъ о томъ, какъ понимать неограниченность Божества, по мнѣнію нѣкоторыхъ, будто бы несовмѣстимую съ понятіемъ личности, и слѣдуетъ ли считать ограниченность, условность, необходимымъ свойствомъ личности. Авторъ не остановилъ должнаго вниманія на разныхъ направленіяхъ философіи въ ученіи о Божествѣ какъ существѣ безусловномъ. Обо всемъ этомъ если и говорится, то какъ бы мимоходомъ, а главное—въ связи съ другими частными вопросами, значеніе которыхъ въ отношеніи къ предмету сочиненія авторъ оставляетъ безъ должнаго разъясненія. Не считъ авторъ нужнымъ заняться вопросомъ о существованіи зла въ мірѣ, свидѣтельствующемъ будто о томъ, что не высочайшее и совершенное существо есть основа бытія вещей, а неразумная и безличная, безсознательная воля. При этомъ, въ изложеніи важнѣйшихъ опредѣленій и понятій, прямо относящихся къ задачѣ сочиненія, авторъ не въ мѣру кратокъ и мало-словесенъ, тогда какъ о матеріяхъ, не имѣющихъ существеннаго значенія, неизвѣстно почему, считаетъ нужнымъ распространяться болѣе чѣмъ слѣдуетъ. Читая сочиненіе г. Четверикова, ясно не представляешь, въ чемъ собственно полагалъ авторъ задачу своего сочиненія, имѣлъ ли онъ въ виду—представить философское обоснованіе ученія о личности Божества, но объ

этомъ есть особая, и при томъ меньшая, глава, или же онъ хотѣлъ показать—какъ относятся къ этому ученію разныя философскія системы. Критическимъ разсмотрѣніемъ разныхъ философскихъ системъ авторъ, должно полагать, имѣлъ въ виду подготовить почву для собственнаго, по возможности полнаго и твердо обоснованнаго, рѣшенія вопроса. Но подробное обзорѣніе гносеологическихъ направленій, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ это сдѣлано авторомъ, нельзя считать приготовленіемъ почвы къ самостоятельному и болѣе полному рѣшенію вопроса. Дѣйствительно, глава, въ которой излагается это рѣшеніе, мало имѣетъ связи съ предыдущими, а если эта связь и есть, то не касается самаго предмета сочиненія, а относится къ матеріямъ, мало имѣющимъ значенія въ рѣшеніи задачи сочиненія. Вотъ о чемъ трактуется въ трехъ главахъ, которыя слѣдуетъ считать подготовительными, хотя составляютъ двѣ трети сочиненія. Прежде всего обзорѣвается эмпиризмъ какъ направленіе философское. Здѣсь критически обзорѣвается ученіе Д. С. Милля о познаніи. Далѣе слѣдуютъ: Тэнъ и его попытки избѣжать абсолютнаго скептицизма. Критическій разборъ его гносеологіи и теологіи. Спенсеръ и отношеніе его къ Тэну, Юму и Миллю. Ученіе Спенсера объ истинахъ самоочевидныхъ. Дарвинизмъ. Понятіе абсолютнаго у Спенсера. Эмпирическое понятіе личности и критика этого понятія. Въ слѣдующей главѣ подробно обзорѣвается идеалистическая философія Спинозы и Гегеля. И еще обшириѣе въ третьей главѣ дѣлается критическое обзорѣніе философіи Канта. Если бы авторъ изъ всѣхъ этихъ главъ выдѣлилъ лишь то, что относится къ понятію о личности вообще и безусловной личности въ особенностяхъ, то изслѣдованіе автора получило бы несравненно болшую ясность, не было бы загромождено въ такой степени не идущими къ дѣлу матеріями, и для самого автора было бы виднѣе—на что слѣдовало ему обратить главное вниманіе, и чего можно достигнуть въ рѣшеніи избраннаго имъ вопроса. Не разъ авторъ указываетъ на недостаточность извѣстныхъ въ школѣ

доказательствъ бытія Божія, при чемъ дѣлаетъ такое замѣчаніе, что изложеніе полнаго понятія о Богѣ, такое изложеніе, при которомъ это понятіе получило бы подобающее ему всеобъемлющее значеніе, можетъ быть представлено только въ формѣ философской системы, а не въ видѣ краткихъ отрывочныхъ и отвлеченныхъ формулъ. Замѣчаніе вѣрное. Но авторъ повидимому разумѣетъ въ этомъ случаѣ такое разсмотрѣніе вопросовъ философіи, при которомъ, въ ряду этихъ вопросовъ и въ тѣсной связи съ ними, долженъ быть поставленъ и вопросъ о Богѣ. Въмѣсто этого, означенное замѣчаніе должно имѣть тотъ смыслъ, что требуется систематическое изложеніе ученія о Богѣ, при чемъ въ это изложеніе должны войти и нѣкоторые иные вопросы философіи, но лишь по мѣрѣ надобности и только какъ средство или пособіе къ болѣе полному и тщательному изслѣдованію главнаго вопроса о Богѣ. Въ разсматриваемомъ сочиненіи дѣло поставлено такъ, какъ будто не вопросъ о Богѣ есть главный, а вопросъ о познаніи. Очевидно, авторъ нашелъ нужнымъ вести изслѣдованіе съ точки зрѣнія гносеологической какъ господствующей въ философіи нашего времени. Этимъ все таки не оправдывается обширное разсмотрѣніе разныхъ ученій о познаніи; можно было ограничиться краткимъ указаніемъ разныхъ взглядовъ по этому предмету, и во всякомъ случаѣ разсужденія объ этомъ слѣдовало поставить въ ясную и несомнительную зависимость отъ изслѣдованія самаго предмета сочиненія. Между тѣмъ, избравъ для изслѣдованія своего предмета исключительно гносеологическую точку зрѣнія, авторъ чрезъ то самое вопросу своего сочиненія сообщаетъ смыслъ, не соответствующій заглавію сочиненія. Собственно не Богъ какъ личное существо, а *идея* Божества оказывается предметомъ изслѣдованія, — т. е. мысль о *бытіи* высочайшаго существа устраняется, а остается субъективный образъ, о которомъ неизвѣстно, существуетъ ли объектъ, прототипъ этого образа. Самое важное неудобство гносеологической точки зрѣнія заключается въ томъ,

что, при рѣшеніи вопросовъ философіи съ этой точки зрѣнія, получается обыкновенно *субъективизмъ* въ разныхъ видахъ. Сверхъ того, у всѣхъ философовъ новаго времени, которые занимались изслѣдованіемъ познанія, представляется наше познаніе имѣющимъ непосредственную ближайшую связь съ реальнымъ бытіемъ лишь въ самомъ актѣ воспріятія чувственного. Поэтому, съ точки зрѣнія гносеологической, важнѣйшимъ критеріемъ достовѣрности познанія (не въ смыслѣ объективности, а въ смыслѣ реальности) представляется свидѣтельство чувствъ; для реальности познанія требуется, такъ сказать, непосредственное соприкосновеніе субъекта познающаго съ предметомъ;—свидѣтельствомъ или выраженіемъ этого соприкосновенія должно служить чувство, но мѣрѣ же участія въ познавательномъ процессѣ другихъ активныхъ способностей, процессъ этотъ кажется отдаляющимся отъ воздѣйствія на него реального бытія. Поэтому то наши отечественные философы—интуитивисты и антропологисты (см. объ этомъ стр. 259 и д.) напоминаютъ того изъ учениковъ Христовыхъ, еще не просвѣщеннаго Духомъ Св., который просилъ Господа показать ему Отца.

Авторъ до такой степени увлеченъ гносеологической точкой зрѣнія (конечно по причинѣ господства таковой въ современной философіи), что гносеологию считаетъ основаніемъ всей философской системы даже тамъ, гдѣ наоборотъ гносеологія является лишь послѣдствіемъ онтологическаго ученія (система Спинозы, см. стр. 108).

Гносеологическая точка зрѣнія самостоятельнаго значенія не имѣетъ: она должна быть лишь пособіемъ къ точкѣ зрѣнія онтологической. Съ этой же точки зрѣнія вопросъ, изслѣдуемый авторомъ, упрощается: требуется показать, что должно признать основнымъ началомъ бытія—матерію или духъ, и какъ понимать различіе между безусловнымъ и условнымъ.

Изъ сказаннаго видно, что изслѣдованіе г. Четверикова значительными философскими достоинствами не обладаетъ. Мысли, которыя могли бы имѣть большое значеніе въ изслѣдованіи ав-

Журналы.

тора выражены кратко, отрывочно, без необходимаго развитія и обоснованія. Формулировка вопросов неясная и неопредѣленная; аргументація неубѣдительная. Иногда трудно бываетъ понять, къ чему авторъ направляетъ свои критическія замѣчанія.

Но какъ сочиненіе ученое, трудъ г. Четверикова можно признать даже замѣчательнымъ. Обширное знакомство автора съ философскою литературой свидѣтельствуетъ о великомъ терпѣніи и усердіи къ дѣлу. Начитанность автора настолько значительна, что, пожалуй, онъ не имѣлъ необходимаго досуга для того, что бы весь тотъ матеріалъ знаній, пріобрѣтеніе котораго стоило конечно большого труда и продолжительнаго времени, переработать собственнымъ мышленіемъ, тщательно обдумать свое сочиненіе и въ цѣломъ и въ частяхъ, такъ что бы все было на своемъ мѣстѣ, а главное чтобы по возможности достигнуть надлежащей ясности въ томъ трудномъ дѣлѣ какъ разработка и комбинированіе философскихъ понятій. Опытность въ дѣлѣ философскаго изслѣдованія пріобрѣтается не легко и требуется для того много времени.

Обращаетъ на себя вниманіе глава: *святоотеческое ученіе о личномъ Богѣ*, отличающаяся изложеніемъ сжатымъ, но вмѣстѣ довольно полнымъ и стройнымъ, обнимающимъ наиболѣе существенное.

Слѣдуетъ отмѣтить также, какъ наиболѣе удачный въ философскомъ отношеніи отрывокъ, критическое обсужденіе ученій о Богѣ или точнѣе о методѣ постановки этого ученія нашихъ философовъ-интуитивистовъ и антропологистовъ.

Какъ трудъ, отличающійся именно въ ученomъ отношеніи достоинствами выдающимися, сочиненіе г. Четверикова, безъ всякаго сомнѣнія, даетъ ему полное право на полученіе ученой степени магистра богословія“.

Справка: И. Четвериковъ окончилъ полный курсъ наукъ Киевской Духовной Академіи въ іюнѣ 1899 года со степенью

кандидата богословія и съ правомъ полученія степени магистра богословія безъ новыхъ устныхъ испытаній, чрезъ представленіе удовлетворительнаго для сей степени печатнаго сочиненія и защищеніе его на коллоквиумѣ.

Постановили: Сочиненіе кандидата богословія И. Четверикова „О Богѣ, какъ личномъ Существѣ“, согласно съ представленными о немъ отзывами, признать удовлетворительнымъ для степени магистра богословія и допустить автора его къ защитѣ своего сочиненія на коллоквиумѣ, назначивъ официальными оппонентами при защитѣ заслуженнаго ординарнаго профессора П. Липицкаго и и. д. доцента П. Кудрявцева, время же самаго коллоквиума предоставить назначить Ректору Академіи.

VI. Актъ испытанія: „1905 года 26 января подвергнуть былъ дополнительному для полученія степени магистра богословія испытанію бібліотекаръ Киевской Духовной Академіи, кандидатъ богословія Амвросій Крыловскій и получилъ на испытаніи слѣдующіе баллы: по догматическому богословію 4 (четыре), по исторіи философіи 4 (четыре)“.

Справка: Совѣтомъ Академіи 13 декабря 1904 года, по заслушаніи прошенія г. Крыловскаго о принятіи къ разсмотрѣнію на магистерскую степень его сочиненія подъ заглавіемъ „Львовское Ставропигіальное Братство“ (Кіевъ, 1904), постановлено: „предоставить г. Крыловскому для полученія магистерской степени держать дополнительное испытаніе по догматическому богословію и исторіи философіи, послѣ чего имѣть сужденіе о самомъ сочиненіи его“.

Постановили: Представленное бібліотекаремъ Академіи А. Крыловскимъ сочиненіе его „Львовское Ставропигіальное Братство“ передать на разсмотрѣніе экстраординарному профессору, священнику Ѳ. Титову, съ представленіемъ Ректору

Академіи назначить другого рецензента по своему усмотрѣнію.

VII. Внесенную въ Совѣтъ Академіи Ректоромъ ея вѣдомость о числѣ лекцій, опущенныхъ наставниками Академіи

въ декабрь 1904 года:

„А) по болѣзни: а) по догматическому богословію заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ М. Ястребовымъ 8 л. (1, 2, 3, 8, 10, 15, 16 и 17 ч.); б) по теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ Н. Петровымъ 2 л. (1 и 3 ч.); в) по русской гражданской исторіи ординарнымъ профессоромъ В. Завитневичемъ 1 л. (17 ч.); г) по психологіи заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ М. Олесницкимъ 2 л. (2 и 18 ч.); д) по библейской исторіи заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ Ѳ. Покровскимъ 3 л. (15 и 18 ч.); е) по священному писанію новаго завѣта экстраординарнымъ профессоромъ Д. Богдашевскимъ 1 л. (3 ч.); ж) экстраординарнымъ профессоромъ Н. Маккавейскимъ по педагогикѣ 6 л. (2, 9, 11, 13, 16 и 18 ч.) и по пастырскому богословію 1 л. (7 ч.); з) по нравственному богословію и д. доцента В. Экземплярскимъ 3 л. (8, 15 и 18 ч.); и) по нѣмецкому языку лекторомъ Г. Кульманомъ 1 л. (16 ч.); Б) по домашнимъ обстоятельствамъ: а) по древней общей гражданской исторіи доцентомъ Н. Мухинымъ 6 л. (3, 8, 10, 13, 15 и 17 ч.); б) по исторіи философіи и д. доцента П. Кудрявцевымъ 1 л. (6 ч.); в) по французскому языку лекторомъ К. Регаме 2 л. (16 ч.)“;

въ январѣ 1905 года:

„А) по болѣзни: а) заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ С. Голубевымъ по исторіи и обличенію русскаго рас-

кола 4 л. (14, 17 и 22 ч.) и по общей церковной исторіи 2 л. (12 и 27 ч.); б) по русской гражданской исторіи ординарнымъ профессоромъ В. Завитневичемъ 1 л. (10 ч.); в) по психологіи заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ М. Оленицкимъ 1 л. (31 ч.); г) экстраординарнымъ профессоромъ Н. Маккавейскимъ по педагогикѣ 1 л. (10 ч.) и по пастырскому богословію 1 л. (11 ч.); д) по церковному праву и. д. доцента О. Мищенко 1 л. (13 ч.); е) по нѣмецкому языку лекторомъ Г. Кульманомъ 2 л. (27 ч.); ж) по французскому языку лекторомъ К. Регаме 2 л. (20 ч.); Б) по домашнимъ обстоятельствамъ: а) ординарнымъ профессоромъ А. Дмитріевскимъ по литургикѣ 1 л. (27 ч.) и по церковной археологіи 1 л. (27 ч.); б) по греческому языку заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ, протоіереемъ І. Корольковымъ 2 л. (27 ч.); в) по педагогикѣ экстраординарнымъ профессоромъ Н. Маккавейскимъ 1 л. (31 ч.); по древней общей гражданской исторіи доцентомъ Н. Мухинымъ 4 л. (24, 26, 28 и 31 ч.); В) по исполненію обязанностей присяжнаго засѣдателя въ окружномъ судѣ: по исторіи и разбору западныхъ исповѣданій экстраординарнымъ профессоромъ А. Булгаковымъ 4 л. (24 и 27 ч.).

Постановили: Записать въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ, на основаніи 8 пункта Высочайше утвержденныхъ дисциплинарныхъ правилъ для высшихъ учебныхъ заведеній.

VIII. Докладъ секретаря Совѣта: „Согласно постановленію Совѣта Академіи, отъ 20 ноября 1896 года, Совѣтомъ Академіи назначается ежегодно особая коммиссія изъ наставниковъ Академіи, для выбора кандидатскихъ сочиненій воспитанниковъ Академіи по русской исторіи и древностямъ, которыя могутъ быть удостоены Евгеніе-Румянцевскихъ премій, и наблюденія за редактированіемъ и печатаніемъ этихъ сочиненій“.

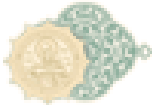
Постановили: Въ составъ комиссіи для выбора на 1905 годъ сочиненій воспитанниковъ Академіи, заслуживающихъ Евгеніе-Румянцевскихъ премій, и наблюденія за редактированіемъ этихъ сочиненій назначить заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ В. Пѣвницкаго и Н. Петрова.

ІХ. Докладъ комиссіи изъ профессоровъ П. Линицкаго, В. Малинина, А. Дмитріевскаго, А. Булгакова и Д. Богдашевскаго, отъ 20 января сего года: „Обсудивъ, по порученію Совѣта Академіи, вопросъ о вознагражденіи за редактированіе документовъ, относящихся къ исторіи нашей Академіи, вышеозначенная комиссія пришла къ слѣдующему рѣшенію вопроса.

Труды по редактированію документовъ изъ исторіи нашей Академіи могутъ быть вознаграждаемы, по надлежащей ихъ оцѣнкѣ, изъ процентовъ Евгеніе-Румянцевскаго капитала. Хотя, по утвердившейся въ нашей Академіи практикѣ, проценты этого капитала расходуются на преміи за студенческія сочиненія, но эта практика произошла отъ того, что митрополиту Евгенію—одному изъ учредителей названнаго преміальнаго капитала,—угодно было назначить темы изъ русской исторіи для студенческихъ сочиненій съ тѣмъ, что бы за подобныя сочиненія было выдаваемо денежное вознагражденіе. Безъ сомнѣнія имѣлось въ виду возбудить въ нашей Академіи, по возможности тотчасъ же, интересъ къ изученію русской исторіи и приготовить на будущее время, соревнователей въ томъ дѣлѣ, которому былъ такъ преданъ самъ митрополитъ Евгеній. По этимъ конечно не предрѣшалась на все послѣдующее время судьба преміальнаго капитала, пожертвованнаго для нашей Академіи столь извѣстнымъ ревнителемъ русскаго просвѣщенія купно съ не менѣе извѣстнымъ покровителемъ того же просвѣщенія Румянцевымъ. Къ настоящему времени капиталъ этотъ значительно возросъ, и ничто уже не препятствуетъ, нѣкоторую часть онаго, конечно большую, предназначить для вы-

дачи, изъ процентовъ таковой части, вознагражденія за труды по русской, какъ церковной такъ и гражданской исторіи, наставниковъ Академіи, безъ сомнѣнія болѣе зрѣлые и полезныя въ научномъ отношеніи нежели студенческія упражненія, а къ числу таковыхъ трудовъ, по справедливости, слѣдуетъ отнести изданіе документовъ, относящихся къ исторіи нашей Академіи. Если Евгеніе-Румянцевскій капиталъ, пожертвованный для нашей Академіи извѣстными ревнителями русскаго просвѣщенія, будетъ употребляемъ на вознагражденіе за ученые труды, имѣющіе въ виду возбужденіе и углубленіе національнаго нашего самосознанія, чему должно способствовать прежде всего изученіе русской исторіи, то этимъ Академія наша конечно въ наибольшей мѣрѣ выполнитъ намѣреніе, съ какимъ былъ учрежденъ названный капиталъ“.

Постановили: Такъ какъ Евгеніе Румянцевскій капиталъ имѣть другое назначеніе, предложеніе комиссіи отклонить; и, соглашаясь съ предложеніемъ Ректора Академіи, Епископа Платона, слѣланнмъ имъ въ собраніи Совѣта Академіи 13 декабря минувшаго 1904 года, о вознагражденіи за составленіе и редактированіе „Актвъ и документовъ“ по исторіи нашей Академіи по Положенію о преміяхъ митрополита Московскаго Макарія, учрежденныхъ при Кіевской Академіи по предсмертному его завѣщанію, выдачей за каждый томъ „Актвъ и документовъ“ составителю его двухъ наставническихъ премій, по 250 рублей каждая, примѣнительно къ § 3 сего Положенія и обычному, указанному въ Положеніи, порядку,—принять это предложеніе. Для выработки же болѣе правильнаго и цѣлесообразнаго пользованія Евгеніе-Румянцевскимъ капиталомъ образовать комиссію изъ профессоровъ Н. И. Петрова, В. З. Завитневича, священника Ѳ. И. Титова и В. П. Рыбинскаго, поручивъ ей свои соображенія на этотъ счетъ представить къ одному изъ слѣдующихъ собраній Совѣта.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „25 Февраля 1905 г. Читаль“.

1905 года 10 февраля.

Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессора, кромѣ заслуженнаго ординарнаго профессора А. Розова, не бывшаго по причинѣ болѣзни.

Слушали: Славный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 11 декабря 1904 года указъ Святѣйшаго Синода отъ 11 того-же декабря за № 12512: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представленіе Вашего Преосвященства, отъ 13 сентября сего года за № 1692, по ходатайству Совѣта Кіевской Духовной Академіи объ утвержденіи исправляющаго должность доцента сей Академіи Василя Экземплярскаго въ степени магистра богословія за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ: „Библейское и Святоотеческое ученіе о сущности священства“, и 2) отзывъ Преосвященнаго Подольскаго, нынѣ Винницкаго Климента за № 297, о названномъ сочиненіи. — Авторъ помянутаго сочиненія касается, между прочимъ, вопроса о неизгладимости благодати священства. Этотъ вопросъ, по его мнѣнію, еще не можетъ считаться окончательно рѣшеннымъ въ нашемъ богословіи, но въ ученіи отцевъ и церковныхъ соборовъ находятся данныя для его разрѣшенія. Авторъ предлагаетъ попытку подобнаго рода. Послѣ ознакомленія съ данными, имѣющимися въ церковномъ ученіи по этому вопросу, онъ (авторъ) пришелъ къ выводу о неизгладимости благодати священ-

ства и указывать на то значеніе для практической жизни церкви, какое может имѣть подобное рѣшеніе вопроса, когда даже іерархія еретическихъ обществъ можетъ быть признана, по присоединеніи къ церкви и при наличности нѣкоторыхъ условій, дѣйствительною, по силѣ своей неразрывной преемственной связи съ апостольствомъ церкви. Но, рассматривая каноническія и церковно-историческія данныя, которыя могутъ, по мнѣнію автора, послужить основаніемъ для такого или иного рѣшенія вопроса, авторъ не упоминаетъ однако-же совсѣмъ о мнѣніи по этому вопросу одного изъ авторитетныхъ нашихъ отечественныхъ богослововъ—покойнаго Митрополита Московскаго Филарета. По мысли послѣдняго, выраженіе „неизгладимый характеръ“ къ таинству священства не примѣняется. Священникъ, впавшій въ ересь или отрекшійся отъ Христа и обращающійся съ покаяніемъ, лишается священства и приѣмлется церковію какъ мірянинъ (Апост. пр. 62, Петра Александр. 10). Кто лишенъ сана, тотъ уже не священникъ. А что въ Греціи знаютъ только священниковъ подъ вѣчнымъ запрещеніемъ, это латинское, перенятое учившимися въ западныхъ школахъ. Читайте апостольское правило: „священникъ, бѣя вѣрнаго, или невѣрнаго, да извержется“. Что значитъ: „да извержется?“ Да изверженъ будетъ изъ сана священства, или, что тоже, да будетъ лишенъ священства и да престанетъ быть священникомъ. Въ правилахъ есть и то, что иные священники должны быть подъ всегдашнимъ запрещеніемъ служенія. Это иная, меньшая степень наказанія. Что касается бывшихъ въ русской церкви случаевъ возвращенія сана лишеннымъ онаго, то Преосвященный Митрополитъ Филаретъ, разбирая выраженія въ одной книгѣ: „Синодъ въ полномъ засѣданіи возвратилъ ему (Феофилактѣ) санъ“, замѣтилъ: „по правиламъ церковнымъ, санъ, котораго кто лишенъ, не возвратимъ. Итакъ, употребленное выраженіе можетъ подать поводъ къ нареканіямъ на Святѣйшій Синодъ, что онъ въ полномъ собраніи дѣйствовалъ противъ правилъ церковныхъ. Ради достоинства Святѣйшаго Синода

нужно разобрать дѣло и раскрыть, почему лишенъ сана былъ неправильно и почему Синодъ въ полномъ собраніи объявилъ изложеніе недѣйствительнымъ и призналъ Преосвященнаго Теофилакта въ санѣ“. Приказали: Исправляющаго должность доцента Киевской Духовной Академіи, кандидата богословія Василія Экземпларскаго, удостоеннаго Совѣтомъ сей Академіи за вышеозначенное сочиненіе степени магистра богословія, утвердить въ таковой степени, съ тѣмъ, однако, что-бы имъ, Экземпларскимъ, въ оставшіеся не распроданными экземпляры его книги былъ вложенъ особый листъ съ изложеніемъ, въ видѣ примѣчанія къ соотвѣтствующимъ страницамъ (VII и 233) книги, мнѣнія покойнаго Митрополита Московскаго Фларета по вопросу о „неизгладимости благодати священства“, а при слѣдующемъ изданіи книги сдѣлано было необходимое дополненіе въ самомъ текстѣ книги; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ“.

Постановили: Исправляющему должность доцента Академіи Василію Экземпларскому выдать дипломъ на степень магистра богословія и объ удостоеніи его магистерской степени записать въ формулярный о службѣ его списокъ, объявивъ ему къ исполненію указъ Святѣйшаго Синода. Вмѣстѣ съ тѣмъ удостоить Экземпларскаго званія доцента Академіи, о чемъ, на основаніи § 81 б. 4 Уст. дух. акад., представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Киевскаго Флавіана, а по утвержденіи сообщить Правленію Академіи для свѣдѣнія и зависящихъ распоряженій.

На семь журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Киевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „25 февраля 1905 г. Утверждается“.

1905 года 10 февраля.

Въ собраніи Совѣта Киевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессора, кромѣ заслуженнаго ординарнаго профессора А. Розова, не бывшаго по причинѣ болѣзни.

Слушали: I. Предложеніе Ректора Академіи, Епископа Платона, отъ 9 сего февраля: „Преосвященнымъ Агаѳодоромъ, Епископомъ Ставропольскимъ и Екатеринодарскимъ, при отношеніи на мое имя отъ 15 минувшаго января за № 143, препровожжены шесть тысячъ рублей, въ двухъ свидѣтельствахъ 4⁰/₀ государственной ренты за №№ 141 и 1546, съ купонами на 1-е марта сего года, на учрежденіе при Академіи стипендіи его имени. Желаніе Преосвященнаго жертвователя таковы: 1) представленный имъ капиталъ долженъ составлять неприкосновенную собственность Академіи, а на проценты съ него имѣть содержаться сирота или бѣднѣйшій изъ студентовъ Академіи духовнаго происхожденія, лучшій по нравственнымъ качествамъ и успѣхамъ, при чемъ преимущество отдается уроженцамъ Ставропольской епархіи; 2) пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ; 3) въ случаѣ закрытія Киевской Академіи стипендія переводится въ Казанскую или въ другую духовную православнаго вѣдомства Академію, гдѣ и распределяется согласно Положенію о сей стипендіи. Означенные 6000 рублей переданы мною въ Правленіе Академіи и записаны на приходъ по журналу Правленія отъ 20 января сего года“.

б) Предложенный Ректоромъ Академіи проектъ Положенія о стипендіи имени Преосвященнаго Агаѳодора, Епископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго, при Киевской Духовной Академіи.

§ 1.

При Киевской Духовной Академіи учреждается стипендія имени Преосвященнаго Агаѳодора, Епископа Ставропольскаго

и Екатеринодарскаго, на проценты съ пожертвованнаго имъ въ свидѣтельствахъ 40/0 государственной ренты капитала въ шесть тысячъ рублей.

§ 2.

Капиталь сей составляетъ неотъемлемую собственность Академіи и хранится неприкосновеннымъ въ числѣ специальныхъ суммъ ея.

§ 3.

Согласно желанію жертвователя, стипендія предоставляется сиротѣ или бѣднѣйшему изъ студентовъ Академіи духовнаго происхожденія, лучшему по нравственнымъ качествамъ и успѣхамъ, при чемъ преимущество отдается уроженцамъ Ставропольской епархіи.

§ 4.

Ежегодная стипендія полагается въ 210 р., соотвѣтственно существующему окладу содержанія, казеннокоштныхъ студентовъ.

§ 5.

На стипендіатовъ имени Преосвященнаго Агаѳодора, Епископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго, не распространяется обязательство выслуги установленнаго §§ 160 и 161 Устава дух. акад. числа лѣтъ въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ.

§ 6.

Право выбора и принятія студента на стипендію принадлежитъ Правленію Академіи, съ утвержденія Епархіальнаго Преосвященнаго.

§ 7.

Ежегодные остатки отъ стипендіи причисляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи на случай увеличенія оклада содержанія казеннокоштныхъ студентовъ.

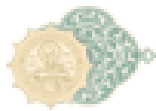
§ 8.

Въ случаѣ закрытія Кіевской Духовной Академіи стипендія имени Преосвященнаго Агаѳодора, согласно его желанію, переводится въ Казанскую или другую духовную православнаго вѣдомства Академію, гдѣ и распредѣляется согласно настоящему Положенію.

Постановили: Проектъ Положенія одобрить и представить установленнымъ порядкомъ на утвержденіе Святѣйшаго Синода вмѣстѣ съ ходатайствомъ объ учрежденіи стипендіи.

II. Предложеніе Ректора Академіи, Епископа Платона, отъ 10 сего февраля: „6 ноября сего года исполняется 50 лѣтъ доблестной, самоотверженной службы нашей Академіи, богословской наукѣ и Св. Церкви славнаго, всѣми уважаемаго и любимаго, гордости и украшенія нашей академической семьи, профессора В. Ѳ. Пѣвницкаго. Я чувствую особенное удовольствіе отъ того, что на мою долю выпала возможность вступить въ Совѣтъ съ предложеніемъ отмѣтить этотъ день въ академической жизни соотвѣтственно важности заслугъ Василя Ѳеодоровича предъ Академіей и обществомъ. Для этого я предлагаю Совѣту ходатайствовать предъ Св. Синодомъ о разрѣшеніи официального юбилейнаго празднованія, а также избрать комиссію какъ для выработки программы празднованія, такъ и для осуществленія этой программы“.

Справка: Празднованіе юбилеевъ лицъ, состоящихъ въ государственной службѣ, не допускается безъ предварительнаго

разрѣшенія высшаго начальства (Свод. Зак., т. III, Уст. служб. Правит. ст. 665 примѣч.).

Постановили: Ходатайствовать установленнымъ порядкомъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ о разрѣшеніи Академіи официального празднованія 6 ноября сего года юбилея 50-ти лѣтней службы въ Киевской Духовной Академіи заслуженнаго ординарнаго профессора ея, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Василя Ѳеодоровича Пѣвницкаго; для выработки-же программы юбилейнаго празднованія и для осуществленія этой программы избрать комиссію изъ профессора В. Рыбинскаго, доцента А. Песоцкаго и секретаря Академіи Н. Успенскаго, подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Ректора Академіи, Епископа Платона.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Киевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „25 февраля 1905 г. Согласенъ“.

1905 года 17 марта.

Въ собраніи Совѣта Киевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессора, кромѣ заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ А. Розова и С. Голубева, не бывшихъ по причинѣ болѣзни.

Слушали: 1. Предложеніе Преосвященнаго Ректора Академіи, Епископа Платона: „Вечеромъ 12 сего марта внезапно скончался отъ паралича сердца заслуженный экстраординарный профессоръ Академіи по кафедрѣ психологіи, докторъ богословія, статскій совѣтникъ Маркеллинь Алексѣевичъ Олесняцкій и 15 того

же марта, послѣ отпѣванія въ церкви Кіево-Братскаго монастыря погребенъ на Байковомъ кладбищѣ. Предлагаю Совѣту Академіи войти въ обсужденіе вопроса о замѣщеніи преподавательской каѳедры психологіи“.

Постановили: Замѣщеніе вакантной каѳедры психологіи, за отсутствіемъ въ настоящее время соотвѣтствующихъ кандидатовъ, отложить до будущаго времени.

II. Внесенную въ Совѣтъ Академіи Ректоромъ ея вѣдомость о числѣ лекцій, опущенныхъ наставниками Академіи

въ февраль сего года:

„А) по болѣзни: а) заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ С. Голубевымъ по исторіи и обличенію русскаго раскола 4 л. (5, 12, 14 и 21 ч.) и по общей церковной исторіи 3 л. (16, 17 и 23 ч.); б) по церковному праву и. д. доцента Ѳ. Мищенко 1 л. (23 ч.); в) по французскому языку лекторомъ К. Регаме 2 л. (7 ч.); Б) по домашнимъ обстоятельствамъ: а) по пастырскому богословію экстраординарнымъ профессоромъ Н. Маккавейскимъ 1 л. (15 ч.); б) по французскому языку лекторомъ К. Регаме 1 л. (21 ч.); В) по нахожденію въ отпускѣ—по нравственному богословію доцентомъ В. Экземпларскимъ 1 л. (23 ч.)“.

Постановили: Записать въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ, на основаніи VIII пункта Высочайше утвержденныхъ дисциплинарныхъ правилъ для высшихъ учебныхъ заведеній.

III. Прошенія экстраординарнаго профессора, священника Ѳ. Титова:

а) отъ 16 сего марта: „Покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи выписать необходимыя для моихъ научныхъ занятій слѣ-

дуюція печатныя изданія типографіи Кіево-Печерской Лавры и изъ слѣдующихъ учрежденій: 1) изъ Императорской Публичной Библіотеки въ С.-Петербургѣ: а) Часословець, 1617 г., въ 4-ку и б) Акаѳистъ Успенія Пресвятой Богородицы. Кіевъ, 1625 г., въ 4-ку; 2) изъ Румянцевскаго Публичнаго Музея въ Москвѣ: а) Вѣзерунокъ цюотъ превелебнаго въ Богѣ его милости господина отца Елисея Плетенецкаго, архимандрита Кіевского монастыря Печерскаго... 1618 г. въ 4-ку и б) Анеологіонтъ... 1619 г. въ листъ изъ коллекціи Лукашевича и 3) изъ библіотеки Софійскаго собора въ Кіевѣ: Окружная грамота Іова Борецкаго, приглашающая на Кіевскій соборъ къ 29 іюня 1629 г. для совѣщанія объ успокоеніи православной церкви. 1629 г. въ 4-ку“.

б) отъ 17 сего марта: „Покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи выписать изъ библіотеки Кіево-Софійскаго собора слѣдующія, необходимыя мнѣ для моихъ научныхъ занятій, срокомъ на одинъ мѣсяць, рукописи, значащіяся по печатному описанію профессора Н. И. Петрова подъ №№ 186 (362), 262- (154), 430 (655) отдѣленіе III, 445 (179), 451 (435), 482 (301), 485 (311), 666 (471) и 667 (457)“.

Постановили: Разрѣшить выписать необходимыя для научныхъ занятій профессора священника Ѡ. Титова, поименованныя въ его прошеніяхъ, рукописи и печатныя изданія изъ подлежащихъ учрежденій.

На семь журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „26 марта 1905 года. Читаль“.